

ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ ВЛАСТИ И ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ РЕФОРМ В РОССИИ В XIX ВЕКЕ

Рассматриваются проблемы преемственности власти и падения престижа венценосцев Российской империи в XIX в. Анализ поведения и личности правителей России позволил сделать вывод о том, что успех или провал многих начинаний был напрямую связан с их неумением или нежеланием брать на себя ответственность и принимать решения.

Ключевые слова:

конституционное правление, либерализм, общественная жизнь, оппозиция, престолонаследие, переворот, самодержавие, террористы

Произвол в престолонаследии и преемственности власти в России особенно обострившийся в XVIII в. после смерти Петра I, в начале XIX в. совпал с неслыханно бурными и крутыми переменами в государственной жизни и международных отношениях стран европейского континента. Французская буржуазная революция потрясла самодержавную Европу. Правда, Российской империи буржуазные перемены пока не угрожали, поскольку царизм был еще очень крепок. Однако молодые русские дворяне с симпатией отнеслись к Французской революции, пока она не вышла за рамки конституционной монархии и не приняла характера плебейской революции. Граф Растопчин писал Воронцову о петербургской молодежи: «Вы остолбенеете, увидев здесь сотни молодых людей, которые достойны быть приемными сыновьями Робеспьера и Дантона» [14, с. 142]. Поэт и драматург С.Н. Глинка, брат прозаика и публициста Ф.Н. Глинки, перевел на русский язык «Марсельезу» [15, с. 142].

В обстановке всеобщей сумятицы умов неожиданно и негаданно произошла смена власти, которую тайно подготовила аристократическая оппозиция. В результате переворота был убит император Павел I. В обеих столицах (Москве и Петербурге) да и в губернских городах страны весть о кончине сумасбродного императора встретили с восторгом, но в королевских домах Европы это известие не получило одобрения.

Старшему сыну императора великому князю Александру Павловичу предстояло занять престол. Но парадокс состоял в том, что все трое Павловичей: Александр, Константин и Николай, как показало время, отнюдь не рвались к власти. При ближайшем рассмотрении периодов их царствования бросается в глаза их нежелание управлять государством и какая-то усредненность личностей российских венценосцев XIX в. Не последнюю роль в про-

цессе и результатах их государственной деятельности сыграло воспитание. Александра в детстве учили, «как чувствовать и как держать себя, но не учили, как мыслить и как действовать; его не заставляли ломать голову, его не воспитывали, а как сухую губку пропитывали дистиллированной политической и общечеловеческой моралью» [7, с. 257]. Учителя жаловались, что только приступая к серьезному труду, «он уже пугался затруднений, смотрел уже на конец, а если конец не был близок, он готов был чувствовать себя утомленным» [11, с. 262]. «Природа, по словам писателя и журналиста Греча, не дала ему самостоятельности характера...» [3, с. 193]. Будучи 18-летним юношей, цесаревич мечтал о том, «как бы впоследствии, отрекшись от престола, поселиться с женой на берегу Рейна и вести жизнь частного человека в обществе друзей и в изучении природы» [10, с. 192].

Средний брат Константин Павлович (1779–1831), великий князь, участник походов А.В. Суворова и Отечественной войны 1812 г. тайно, но добровольно отказался от престола, выбрав для себя светскую жизнь [16, с. 837]. Буквально на следующий день после убийства он заявил: «После того, что произошло, мой брат может царствовать, если ему угодно, но если престол когда-либо перейдет ко мне, я его не приму» [8, с. 129]. Младшему Николаю еще рано было думать о судьбе престолонаследия. На момент переворота 11 марта 1801 г. ему было всего 5 лет. В результате вопрос преемственности власти уже в самом начале XIX в. едва не повис в воздухе. Репутация правящего дома оказалась сильно подмоченной согласием на переворот сыновей царя – Александра и Константина, которые надеялись, что все пройдет бескровно.

Оппозиционеры сделали ставку на Александра, хотя и были наслышаны о ли-

беральных и конституционных намерениях престолонаследника, но рассчитывали парализовать его реформаторские устремления и подчинить своим интересам. Для Александра этот выбор оказался полной неожиданностью. «От чего я? – растерянно спросил он. – Какого императора вы намерены сделать из меня?». Уваров воскликнул: «Настоящего императора!» [19, с. 42]. По Петербургу поползли слухи о желании заговорщиков принудить царя подписать конституцию, гарантирующую монополию аристократическому дворянству. В случае несогласия один из заговорщиков (Бибилов) предлагал вообще избавиться от всех членов императорской фамилии. Таким образом, с первых же дней царствования Александр был поставлен под жесткий контроль заговорщиков. Только этим и можно объяснить обещание Александра I, что он будет управлять «богом врученным» ему народом «по законам и по сердцу августейшей бабки нашей», подчеркивая тем самым свою приверженность политическому и экономическому курсу Екатерины II.

Зависимое состояние «самодержца» метко подметила на одной из публичных церемоний французенка г-жа Бонней: «Молодой император шел, предшествуемый убийцами своего деда, сопровождаемый убийцами своего отца и окруженный своими собственными убийцами» [22, с. 133].

Постепенно удалив под разными предлогами всех заговорщиков, которые так и остались безнаказанными, Александр I приступил к модернизации страны. Реформы первых 10 лет правления Александра (создание Негласного комитета, Указа «О вольных хлебопашцах», Государственного совета, Министерства народного просвещения, целого ряда новых университетов, Царскосельского лицея, введения в начальной школе бесплатного обучения и либерализации цензуры и т. д.) были положительно встречены обществом, которому особенно импонировало стремление Александра I поставить себя в зависимость от закона. А.С. Пушкин определил этот период как «дней Александровых прекрасное начало» [18, с. 289].

К сожалению, император не смог избежать серьезных промахов как во внешней, так и во внутренней политике. Попытка Александра проявить себя на военном поприще при отсутствии таланта полководца привела в 1805 г. к разгрому русско-австрийских войск при Аустерлице и распаду 3-й антифранцузской коалиции. Вдовствующая императрица Мария Федоровна в письме от 18 апреля 1806 г. сооб-

щала о недовольстве, которое существует не только в столицах, но и в провинции. Публика, «не видя государя в ореоле славы, критикует вольно» [13, с. 50]. Затем последовал Тильзитский мир (1807 г.), по которому вопреки чаяниям общества Россия присоединялась к континентальной блокаде своего основного торгового партнера – Англии. Блокада больно ударила по российским производителям товарного хлеба и понизила курс рубля на 50%. Последнее обстоятельство вызвало застой в торговле, повсеместное безденежье и всеобщее недовольство. «Уважение и любовь к монархам, – сообщал бывший тогда в России торговый агент Леспес, – ...до такой степени ослабели, что надо опасаться всего: ропот стал уже явным, и открыто порицал поступки и поведение правительства» [13, с. 52].

После окончания Отечественной войны 1812 г. русское общество ожидало от императора преобразований, но Александр устал от реформаторских неудач и неготовности России к его благим начинаниям. Он остро чувствовал свою непопулярность и стал постепенно отходить от дел. Александр с увлечением занялся спасением династий Гогенцоллернов и Габсбургов, что никак не соответствовало интересам России и вызвало к жизни уже прогрессивную оппозицию, а с нею и революционные тайные организации. Отсюда опасение императора за свою судьбу и желание покинуть Россию. Звание «примирителя», писал П.А. Вяземский, «дорого по сердцу ему для того, что дает средство при первой искре, вылетающей из трубы, где бы то ни было, сесть в коляску и ускользнуть от России, которая дома, как неугомонный заимодавец, не дает ему покоя ни днем, ни ночью, требуя уплаты векселей, давно опротестованных перед судом людей и небес» [2, с. 60–61].

К началу 20-х гг. XIX в. Александр I, напуганный революциями в Италии и Испании и выступлением лейб-гвардии Семеновского полка, начинает «чистку» армии, из которой удаляются все инакомыслящие офицеры. В 1824–1825 гг. императора не раз предупреждали о подготовке офицерского заговора и восстания. «Не мне их судить», — отвечал Александр I и не принимал никаких мер [5, с. 16].

Беспримерное отчуждение общественного мнения от мнения правительственного толкала дворянских революционеров к привычному, силовому методу смены верховной власти. Члены «Союза благоденствия» И.Д. Якушкин, Ф.П. Шаховской, Д.И. Завалишин, А.И. Якубович, П.Г. Ка-

46 | ховский и М.И. Муравьев вызвались совершить цареубийство [9, с. 152]. И лишь преждевременная смерть императора в Таганроге помешало осуществить задуманное.

За время царствования Александр (1813–1825) в стране произошло более 500 крестьянских выступлений. Многие были результатом Отечественной войны 1812 г. и крушением надежд на получение свободы. По словам В.О. Ключевского, «правительство и общество разошлись, как никогда не расходились прежде» [10, с. 208].

Очередная смена власти произошла 26 декабря 1825 г. (14 декабря по ст. стилю). Она еще более обострила проблему преемственности. Константин, отказавшись от престола и в 1814 г. стал наместником Царства Польского. Младший, Николай, хотя ему было уже 29 лет, не готовился и не желал царствовать. Еще в 1819 г. бездетный Александр I предупредил великокняжескую чету Николая и Александру Федоровну о том, что ему, Николаю, предстоит в будущем занять престол [9, с. 152], а в 1823 г. Александр I подписал соответствующий случаю Манифест, но тот был засекречен [5, с. 34].

Петербургский генерал-губернатор М.А. Милорадович, ничего не знавший о секретном манифесте Александра I, отказался признать новым государем Николая Павловича и настоял на принесении присяги Константину Павловичу. Николай присягнул первым, а за ним присягнули генералы, гвардия и Сенат. Константин, узнав о присяге брата, сам присягнул ему, да и еще прислал письмо со своим отречением матери Николая.

Разразился скандал. Узнав о военном заговоре офицеров, Николай Павлович 12 декабря 1825 г. принял решение объявить себя императором. В письме князю Волконскому он сообщал: «После завтра я буду императором всероссийским, или же буду мертв» [9, с. 155]. Вечером 13 декабря государственный совет присягнул Николаю I, а утром 14 декабря 1825 г. – другие высшие государственные учреждения. В тот же день на Сенатской площади произошло восстание декабристов, подавлением которого Николай I руководил лично [6, с. 35–36].

Николай и по характеру, и по воспитанию, и по образу мыслей заметно отличался от старшего брата. Это была цельная фигура, как в своем мировоззрении, так и в своем выдержанном и последовательном поведении. Он многое сделал для поднятия престижа России и добился немалых военных и внешнеполитических успехов.

Были победоносно завершены войны с Персией (1826–1828 гг.) и Османской империей (1828–1829 гг.) и др.

В тоже время в международных делах Николай I продолжил политику Александра I. По словам фрейлины А.Ф. Тютчевой, «он... считал себя поэтому обязанным служить интересам государей, находящимся в противоречии с либеральными стремлениями народов. Он сделался как бы опекуном государей и полицмейстером народов» [24, с. 167–168]. Все эти устремления Николая дорого обходились государственному бюджету и были чужды интересам России.

В эпидемии холеры, охватившей Петербург в октябре 1830 г., «чернь», по замечанию П.А. Вяземского, видит «более недуг политический, чем естественный, и называет эту годину революциею» [19, с. 21]. В этом же году возникают новые группы тайных кружков: братьев Критских, кружок брата декабриста Владимира Раевского – Петра Раевского, Сунгурова и др. Дворянин Боев соглашается взять на себя убийство Николая I [16, с. 324].

Несмотря на рост недовольства в обществе, Николай I продолжил линию по усилению централизации и бюрократизации государственного аппарата, начатую еще Александром I. Если в 1796 г. в России насчитывалось приблизительно 15–16 тыс. чиновников, то в 1847 г., чиновничий аппарат составлял уже 61 тыс. 548 человек [7, с. 195].

Начиная перестройку государственного управления, Николай I пошел по пути военизации государственного аппарата, поскольку твердо верил во всемогущество государства. Вся администрация, по замыслу императора, должна была действовать в русле армейской дисциплины. Результат оказался обратным. Милитаризация управленческой системы в конечном итоге привела к тому, что аппарат управления мог блокировать как указы императора, так и предоставление ему достоверной информации [12, с. 93].

На протяжении всего 30-летнего правления Николая I крестьянский вопрос находился в центре внимания. Признавая крепостное право очевидным злом, император считал, что «прикасаются к нему теперь было бы делом еще более гибельным», поскольку «земля есть собственность не крестьян, которые на ней поселены, а помещиков» [14, с. 159]. Отсюда все действия по крестьянскому вопросу сводились, хотя и к нужным мероприятиям (переселение государственных крестьян на свободные

земли, регулирование оброчной системы, перевод натуральных повинностей в денежные и т. д.), но все-таки не внесли принципиальных изменений в положение государственных крестьян. С 1826 по 1854 гг. произошло 674 крупных крестьянских волнения [16, с. 42].

Угроза революционного взрыва заставила Николая I в конце 40-х годов открыто встать на путь реакции и отречься от своих прежних намерений постепенно идти к освобождению крестьян. Но поражение в Крымской войне, техническая отсталость и повальное казнокрадство подтвердило нецелесообразность сохранения самодержавного строя, приведшего к катастрофе в войне с государствами, имевшими другие политические и экономические системы управления. Россия оказалась перед выбором: революция снизу или реформы сверху.

Разгрести груды колоссальных злоупотреблений, которую Николай I «нагромоздил вокруг своей бесконтрольной власти», пришлось его старшему сыну Александру II. Сын в отличие от отца «не был одарен от природы ни сильным умом, ни крепкой волею... Недостаток ума заменялся у него устойчивым здравым смыслом, который позволял ему... остановиться на среднем, благоразумном решении; слабость воли заменялась постоянством...» [1, с. 117]. Но именно ему выпало исполнить одну из труднейших задач, стоящих перед самодержавием – отменить крепостное право.

Александру II пришлось править страной в новый период истории России. Реформирование страны он начал с отмены крепостного права (1861), с введения местного самоуправления – земского (1864) и городского (1870). Затем последовала судебная реформа (1864), новый университетский устав, военная и финансовая реформы. В конце 1850-х гг. левый берег Амура и Уссурийский край стали российскими. В 1864 г. завершилась многолетняя Кавказская война. В 1870 г., используя благоприятную политическую конъюнктуру, Россия отказалась от условий Парижского мира и стала воссоздавать военный флот на Черном море [5, с. 17–18].

Проведение реформ столкнулось с массой трудностей, которые ни император, ни его окружение, ни общество не знали, как разрешить. Сановники Александра II страшались предстоящих перемен, да и в значительной своей части не одобряли реформ. Современники отмечали, что ошибки правительства «возбуждали неприятные толки и насмешки; уважение к власти рушилось в самодержавном государстве:

никакой системы, никакого общего плана действия... С власти слетали роскошные покровы. Она больше не внушала благоговения. Ей уже отказывали в простом почтении» [21, с. 161].

Страна запуталась в перестроечных процессах. Уровень жизни заметно снизился. Осторожная внутренняя политика Александра II вызывала в правительстве резкую критику либералов. Великий князь Константин Николаевич, Д.А. Милютин, М.Х. Рейтнер, А.В. Голицын, А.А. Суворов и другие выступали за скорейшее проведение буржуазных реформ. Поторапливало царя и общество, но Александр II отвергал конституционные требования из опасения, что это ввергнет Россию в смуту и приведет к ее распаду «на куски».

Не находя поддержки среди своего окружения, кроме министра внутренних дел П.А. Валуева, Александр II растерялся. Он перестал доверять «не только себе, он не доверял и другим; он скрытничал, лукавил, старался уравнивать различные направления, держа между ними весы, но делал это так, что каждое парализовалось...» [1, с. 117].

Вмешательство России в балканские дела закончилось, как известно, войной (1877–1878 гг.), которая с одной стороны ознаменовалась блестящими победами русской армии и территориальными приобретениями в Азиатской Турции и придунайской Бессарабии, с другой – обидными для престижа страны условиями мира на Берлинском конгрессе, расстроеными финансами и негодованием большей части русского общества. П.А. Вяземский, недовольный сентиментальными утопиями правительства, да и значительной части русского общества, писал: «Неужели мы своими боками, кровью своей, может быть, будущим благоденствием своим должны жертвовать для того, чтобы сербы здравствовали? Сербы сербами, а русские – русскими. В том-то и главная погрешность, главное недоразумение наше, что мы считаем себя больше славянами, нежели русскими. Русская кровь у нас на заднем плане, а спереди – славянолюбие» [23, с. 318.]

Реформы продолжали идти медленно, что вызывало все большее неудовольствие общества, и оно стало искать нового лидера, на которого можно было сделать ставку. Выбор пал на интеллигенцию. Парадокс выбора состоял в том, что интеллигенция сама находилась в состоянии войны с самодержавием и в случае своей победы неминуемо похоронила бы под обломками самодержавия и самих царских

48 | бюрократов, делавших все, чтобы дать власть интеллигенции. Началась планомерная охота на государя, закончившаяся смертельным ранением Александра II на Екатерининском канале 1 марта 1881 г. Как отреагировало общество на это событие? А оно до тех пор заворожено следившее за единоборством правительства с кучкой террористов, ужаснулось, узнав, что во главе заговора стояла женщина, да и к тому же дочь высокопоставленного чиновника [4, с. 22].

С правления Александра II восстановилась преемственность власти и престолонаследие, но отношение общества к власти по-прежнему оставалось негативным. Последующие государи – Александр III

и Николай II практически ничего не сделали для укрепления престижа власти. Борьба Александра III с народолюбцами привела к отказу от реформ и переходу к реакции. Полностью прекратилась реформаторская деятельность, что вызвало даже в самых умеренных кругах недовольство правительством и страх перед новым революционным взрывом. По словам одного из думских депутатов, «иногда сама государственная система роковым образом подготавливает политическую катастрофу» [22, с. 177]. И она произошла в феврале 1917 г. Революционная волна смела в мусорную корзину истории, как преемственность власти, так и престолонаследие. Россия вступила в новый виток своего развития.

Список литературы:

- [1] Воспоминания Бориса Николаевича Чичерина. Земство и Московская Дума. Записки прошлого / Под ред. В.И. Невского. – М.: Изд. «Север», 1934. – 372 с.
- [2] Вяземский П.А. Записные книжки (1813–1848) / Изд. подготовила В.С. Нечаева. – М.: Изд-е АН СССР, 1963. – 505 с.
- [3] Греч Н.И. Записки о моей жизни / Текст по рукописи под редакцией и с коммент. Р.В. Иванова-Разумника, Д.М. Пинеса. – М.;Л.: Academia, 1930. – 896 с.
- [4] Ермолов В. А. Фанатики революции // Преподавание истории в школе. Научно-теоретический и методический журнал. – М. – 1998. – № 7.
- [5] История России XVIII–XIX вв. Кн. 1. А–М. – М.: ОЛМА–ПРЕСС; Образование, 2004. – 320 с.; ил.
- [6] История России XVIII–XIX вв. Кн. 2. М–Я. – М.: ОЛМА–ПРЕСС; Образование, 2004. – 319 с.; ил.
- [7] История России. Курс лекций по истории России с древнейших времен до наших дней / Под ред. проф. Б. В. Личмана. – Изд. втор. допол. и пераб. / Кафедра истории России Уральского госуд. техн. ун-та. – Екатеринбург, 1993. – 331 с.
- [8] История XIX века / Под ред. Лависса и Рамбо; Пер. с фр. Т. 2. Время Наполеона I (1800–1815). Часть вторая. – М.: ОГИЗ, 1938. – 579 с.; ил.
- [9] История XIX века / Под ред. проф. Лависса и Рамбо; Пер. с фр. Т. 3. – М.: ОГИЗ, 1939. – 631 с.; ил.
- [10] Ключевский В.О. Курс русской истории. Т. V. – М.: Мысль, 1989. – 457 с.
- [11] Ключевский В.О. Курс русской истории. Часть V, перераб. гос. соц.-экон. изд. – М.: 1937. – 596 с.
- [12] Лапин А. Если бы не военные, то было бы плохо // Родина. – 1993. – № 1.
- [13] Мельгунов С.П. Александр I. Сфинкс на троне / С.П. Мельгунов. – М.: Вече, 2010. – 308 с.
- [14] Мироненко С. Бессилие власти // Родина – 1993. – № 1.
- [15] Новицкий Г.А., Бурджалов Э.Н. История России (XVIII век). Курс лекций. прочитанных в Высшей Партийной Школе при ЦК ВКП(б). – М., 1945. – 186 с.
- [16] Окунь С.Б. Очерки истории СССР. Вторая Четверть XIX века. Кризис феодально-крепостнической России. – Л.: 1957. – 431 с.
- [17] Первый толковый БЭС (большой энциклопедический словарь). – СПб.: «Норинт»; М.: ИД «РИПОЛ классик, 2006. С. 837. – 2144 с.
- [18] Пушкин А.С. Соч. в 3-х томах. Т. 1. Стихотворения; Сказки; Руслан и Людмила: Поэма. – М.: Худож. лит., 1985. – 735 с.
- [19] Русское общество 30-х годов XIX в. Люди и идеи: (Мемуары современников). – М.: Изд. МГУ, 1989. – 446 с.
- [20] Сидорова М.В. При дворе Павла Петровича (Из воспоминаний графа А.Х. Бенкендорфа) / Император Павел I – взгляд XXI века (к 250-летию со дня рождения). Материалы научно-практической конференции (в рамках цикла конференции «Императорские Чтения») 21–22 октября 2004 г.: Сб. ст. – СПб.: ООО «Селеста», 2004. – 280 с.; ил.
- [21] Соловьев Ю. Странички летописи сумасшедшего дома // Родина. – 1993. – № 1.
- [22] Степанский А. Последнее величие // Родина. – 1993. – № 1.
- [23] Татищев С.С. Император Александр I, его жизнь и царствование. Т. 2. – СПб., 1903. – 380 с.
- [24] Тютчева А.Ф. Воспоминания при дворе двух императоров / Сост., вступ., ст., пер. с фр. Л. Гладковой; переиздание. – М.: «Захаров», 2008. – 592 с.